

полнены: представлена информация о благоустройстве жилья и динамике изменений, присутствуют сведения за военный период (1941–1945 гг.)⁶.

Существенным подспорьем в данной работе могут служить областные фонды статистического управления. В частности, при составлении таблиц, схем, рядов значительную помощь окажут ежегодно заполнявшиеся паспорта городов.

Необходимость в проведении подобной исследовательской работы продиктована тем, что в аналогичной обработке данных нуждаются статистические ряды, отражающие не только уровень благосостояния советского населения, но и динамику промышленного развития.

¹ Ольсевич Ю. Нужно ли исследовать экономическую историю СССР // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 79–90.

² Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Стат. ежегодник. М.: Госполитиздат, 1961. С. 221–226; Народное хозяйство СССР (1922–1972 гг.). Юбил. стат. ежегодник. М.: Статистика, 1972. С. 321, 326–327, 364–369, 499–827, Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбил. стат. Ежегодник. М.: Статистика, 1977. С. 436–437; 492–500; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбил. стат. Ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1987. С. 508–522.

³ Кемеровская орденосная. Стат. сборник. Кемерово: Кн. изд-во, 1968. 122 с.

⁴ Народное хозяйство Алтайского края. Стат. сборник. Барнаул: Алтай. кн. изд-во, 1958. С. 210; Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти. Стат. сборник. Барнаул: Статистика, 1967. С. 65, 91; Народное хозяйство Новосибирской области и г. Новосибирска. Стат. сборник. Новосибирск: Кн. изд-во, 1957. С. 129; Народное хозяйство Новосибирской области. Стат. сборник. Новосибирск: Госстатиздат, 1961. С. 194–195.

⁵ Народное хозяйство Кемеровской области. Стат. сборник. Кемерово, 1958. С. 168; Народное хозяйство Томской области. Стат. сборник. М.: Статистика, 1965. С. 100.

⁶ Томск. 1604–2004. Юбил. стат. сборник. Томск: Обл. комитет гос. статистики, 2004. 268 с.

А. С. Иванов

Принудительная миграция спецпереселенцев-калмыков на Югорскую землю в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)

Каждый год в нашей стране 30 октября отмечается скорбная дата – День памяти жертв политических репрессий. Этот День отмечается не случайно, ведь в 1930–1950 гг. изгнанию с родных мест подверглись депортации более 58 народов и национальных групп, т. е. около 3,5 млн

чел.¹. Часть из этих принудительно перемещенных лиц составляли спецпереселенцы, которых в СССР на сентябрь 1944 г. насчитывалось 2 225 000 чел. За годы войны значительный размах приобрела этническая ссылка, неудивительно поэтому, что из приведенной цифры 1 514 000 чел. составляли «наказанные народы»².

Одним из насильственно перемещенных народов были калмыки, которые подверглись депортации вследствие ложного обвинения в поголовном сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины, в сдаче в плен 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Эти обвинения послужили поводом для появления 27 декабря 1943 г. Указа Президиума Верховного совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР. На следующий день было принято постановление СНК СССР о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский край, Омскую и Новосибирскую области³.

Калмыки прибыли в Омскую область в результате осуществления операции «Улусы», в результате проведения которой в Сибирь были выселены 92 963 калмыка⁴. Омская область в январе 1944 г. приняла 27 088 чел.⁵ в составе 14 эшелонов⁶. Переселенцы были расселены в южных районах области.

Неожиданным поворотом в жизни для многих спецпереселенцев-калмыков стало 30 апреля 1944 г., когда вышло совместное постановление омских Совета депутатов трудящихся и Обкома ВКП(б) «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области»⁷. Они уже прижились, нашли определенный контакт с местным населением. Но в соответствии с постановлением были намечены к переселению на север – 11 393 чел.; планировалось начать отправку 15 мая, а завершить к 15 июня⁸.

Реальные цифры завоза оказались несколько ниже плановых. В районы Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Тобольского округов было выселено 8597 чел.⁹.

Из них в Ханты-Мансийский округ было завезено 5999 калмыков¹⁰. По районам они распределились следующим образом: в Березовский район – 1108, Микояновский – 1193, Самаровский – 1239, Кондинский – 689, Ларьякский – 652, в Сургутский – 1118 человек¹¹. Постановление от 30 апреля предопределило трудоустройство завезенных. В подавляющем большинстве трудоспособных калмыков закрепили за многочисленными предприятиями Ханты – Мансийского госрыбтреста, а также рыбколхозами. Остальных передали Сиблестресту, райрыбкоопам, райпромкомбинатам, промартелям¹², колхозам¹³.

По отчетам райпрокуратуры калмыки в большинстве своем были люди пожилые, больные и не имеющие навыков ловли рыбы, промышленного труда, не знающие русского языка¹⁴. Специфика расселения в рыбопромышленных районах области заключалась в том, что в южных районах Омской области в январе 1944 г. калмыки размещались преимущественно

но в колхозах, совхозах «на уплотнение» в дома местных жителей, и только небольшая часть – на предприятия (причем на некоторых заводах они были переданы в подсобное хозяйство)¹⁵. На севере же, напротив, большинство калмыков было приписано к промышленным предприятиям.

Несмотря на то, что формально калмыки расселялись не «на уплотнение» (некого было «уплотнять»), сложилось достаточно тяжелое положение с количеством предоставляемой калмыкам жилплощади. Например, на Сургутском рыбозаводе, Матлымском рыбоучастке и Березовском стеклозаводе, где переселенцы размещались скученно.

В Сургутском районе на одного калмыка приходилось 2,21 кв. м (были случаи проживания на площади 1,2 кв. м на человека) при норме 3 кв. м¹⁶. В соседних районах сложилась сходная ситуация. Березовский стеклозавод предоставил помещения «типа общежитий». Но даже в списке подобных жилищ особняком стояла землянка, где на жилплощади 4 кв. м. проживало 3 человека, то есть на одного приходилось 1,33 кв. м¹⁷. Примечательно, что местные руководители считали такое положение вполне нормальным, по крайней мере, такое впечатление создает доклад и. о. директора Березовского рыбозавода Доронина М. Д. инспектору ОК ВКП (б) Бахлыкову¹⁸. По району в целом на одного человека приходилось 2,5–2,7 м жилплощади¹⁹. Для сравнения можно отметить, что в конце 1943 г. Ханты-Мансийский госрыбтрест обязался предоставить одной из исправительных колоний жилое помещение площадью с 2 кв. метра на одного заключенного²⁰, т. е. реальная обеспеченность жилплощадью калмыков в среднем была чуть лучше, чем у заключенных, но иногда уступала и этой столь невысокой «норме» обеспечения.

Ситуация с жильем выправлялась очень медленно. На начало 1946 г. обеспеченность жилплощадью калмыцкого населения по Ханты-Мансийскому госрыбтресту, где на начало 1945 г. было трудоустроено более 90 % калмыков завезенных в Тюменскую область²¹, составила 2,7 м²².

Спецпереселенцы страдали не только от тесноты, но и от того, что местные власти не сумели создать нормальные жилищно-бытовые условия. Многие помещения, предназначенные для расселения прибывающего спецконтингента, и спустя 5 месяцев после прибытия переселенцев находились в плачевном состоянии; так, в колхозе «Заря» Самаровского района, где было размещено 30 спецпереселенцев-калмыков, в комнатах отсутствовали окна и печи, крыши протекали²³. В одном из барачных, предоставленных Сургутским рыбозаводом, все калмыки спали вповалку на больших нарах, а по полу дул ветер «и в двери и сквозь стен»; вдобавок к этому в помещениях наблюдалась «неимоверная грязь»²⁴. В итоге Тюменский обком 27 ноября был вынужден признать, что помеще-

ния, предоставленные многими промышленными предприятиями округа, находились «в антисанитарном состоянии»²⁵.

Свидетелей приема калмыков удивляло то, что «у них почти не было багажа»²⁶; в этой ситуации им оставалось рассчитывать на получение необходимых промтоваров и продуктов питания от местных властей. Надеждам спецпереселенцев не суждено было сбыться; они обнаружили либо отсутствие домашнего инвентаря в местах размещения, либо «недостаточно оборудованные помещения». Так, по Березовскому стеклозаводу на 172 человека приходилось: столов – 24, табуреток – 22, скамеек – 12, койки вообще отсутствовали²⁷. В целом по рыбтресту было установлено, что «...топчанами и другими предметами домашнего инвентаря, посудой спецпереселенцы-калмыки обеспечены в пределах до 50 % потребности»²⁸.

На рыболовпотребкооперацию было возложено снабжение всех калмыков в целом, но с момента их завоза, по ноябрь 1944 г., хлопчатобумажные изделия через эту структуру не реализовывались. Поэтому неудивительно, что очень тяжелое положение сложилось в обеспечении переселенцев хлопчатобумажными изделиями, теплой зимней одеждой и обувью. В Микояновском районе около 50 % калмыков не имели нательного белья, обеспеченность одеждой, обувью в колхозах и «прочих организациях» составляла от 2 до 8%, а в рыбной промышленности от 25 % до 30 %²⁹. Калмычка Б. М. Семенова, работавшая в Кондинском районе на Учинском рыбозаводе, в своих воспоминаниях отмечала, что «носить было нечего»³⁰. По колхозам Ларьякского района обеспеченность составляла 10 %³¹. Отсутствие одежды и обуви приводило к массовым невыходам на работу, в Ларьякском районе по этой причине не работало 50 % калмыков³². На Сургутском консервном и рыбном заводах создавалась угроза с наступлением первых холодов невыхода на работу 80–90% калмыков в связи с отсутствием у них теплой одежды и обуви³³. Обследование бытового устройства спецпереселенцев на предприятиях рыбной промышленности, показало, что в целом по округу большинство переселенцев-калмыков плохо было обеспечено обувью, одеждой и особенно нижним бельем; в частности отмечалось, что «во всех семьях калмыков многие дети не имели нательного белья»³⁴.

В обеспечении калмыков продовольствием прослеживаются существенные различия. В Самаровском районе сельской местности рабочему выдавали 500 г хлеба, иждивенцу – 300, ребенку – 400 г; а также сахар, масло, крупу. Рабочие, кроме трехразового питания в столовой, на производстве получали от 600 до 800 г (в зависимости от выполнения норм выработки). Там, где не было столовых, выдавали 4 кг рыбы на работающего. В более мощных колхозах, таких, как «Семейка», «Сотники» и другие, выдавали по 2 кг картофеля на работающего, а также в дополнение к получаемой через рыбокоопы норме – от 1 до 2 литров молока³⁵.

Некоторые руководители колхозов, такие, как председатель Сахальского колхоза Кугаевский, выдали калмыкам, в счет заработанных трудодней, молоко, мясо и картофель³⁶.

Но в то же время отваривание по продуктовым карточкам работающих калмыков на Сытоминском рыбозаводе рыбой мясом и крупой не производилось³⁷. Для иждивенцев единственным источником продовольственного снабжения являлась рыболовпотребкооперация, через которую снабжались все калмыки. Но им не всегда удавалось получать все предусмотренные для них продовольственные фонды³⁸.

Результат подобного полуголодного и полураздетого существования людей был предсказуем. Недостаток витаминов привел к тому, что в августе 1944 г. от цинги умерло 10 человек, а в больницах находилось еще 12 человек³⁹. Материально-бытовая неустроенность привела к вспышкам инфекционных заболеваний (туберкулез, трахома, сыпной и брюшной тиф, корь, скарлатина) в некоторых районах округа⁴⁰. В одной только Березовской райбольнице с июня 1944 по январь 1945 г. из 199 находящихся на излечении умерло 45 человек⁴¹. Проживавший в Кондинском районе А. В. Гилевич, мастерская которого изготовляла гробы для калмыков, отмечал, что «ежедневно поступал заказ на два-три гроба, а то и больше»⁴². Смертность среди калмыков, прибывших в Тюменскую область, составила 18,9 %⁴³. Обустройство калмыков на новом месте жительства привело к падению этого показателя в округе, в 1-м полугодии 1945 г. смертность составила 3 % от общего количества завезенных спецпереселенцев-калмыков⁴⁴.

Подобный итог пребывания спецпереселенцев-калмыков в годы военного лихолетья на Югорской земле не покажется странным, если принять во внимание не только отсутствие необходимых ресурсов на местах, но и отношения, сложившиеся между местными властями и калмыками. Власти попросту воспользовались неопределенностью правового статуса спецпереселенцев-калмыков и допускали различные злоупотребления: не реализовывали полностью⁴⁵ или попросту разворовывали фонды, предоставленные для калмыков⁴⁶. Эти руководители даже формально практически ни чем не рисковали до 8 января 1945 г. когда появилось постановление СНК «О правовом положении спецпереселенцев», в котором объявлялось, что спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением свободы передвижения; в то же время сохранялся режим спецкомендатуры⁴⁷. Но и это не остановило «недоразумения», которые нередко представляли собой избиения спецпереселенцев-калмыков⁴⁸, теперь уже «полноправных» граждан СССР. От райкомов и органов НКВД то и дело следовали упреки если не во вредительстве, то во всяком случае в нежелании добросовестно трудиться⁴⁹. Некоторые парторги позволяли себе называть калмыков «материалом», требующим зоркого надзора за их политнастроениями⁵⁰.

Таким образом, властям не удалось организовать нормальные социально-бытовые условия труда для прибывших спецпереселенцев, и главной причиной явилось то, что местные руководители смотрели на них лишь как на рабочую силу, прибывшую в их полное распоряжение, а не как на нормальных людей, что частично признали и окружные власти⁵¹. В результате калмыки трудились на завершающем этапе Великой Отечественной войны в атмосфере постоянных подозрений, упреков, фактического бесправия и бытового неурюстройства.

¹ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. С. 5–6.

² Доклад начальника отдела спецпоселений НКВД СССР М. В. Кузнецова (от 5 сентября 1944 г.) // А. И. Кокурин Спецпереселенцы в СССР в 1944 году или год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 102–103.

³ Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян М.: МФД; Материк, 2005. С. 412–415.

⁴ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 72–73.

⁵ Там же. Л. 46.

⁶ ГАОО. Ф. 437. оп 21. Д. 131. Л. 39–39 об.

⁷ ЦДННОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3833. Л. 17–18.

⁸ ГАОО. Ф. 437. оп . 21. Д. 131. Л. 51.

⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 146.

¹⁰ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 94.

¹¹ Справка о размещении спецпереселенцев-калмыков по административным районам Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области по состоянию на 1 ноября 1944 года // Ссылка калмыков: как это было... С. 168.

¹² ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 88

¹³ Там же. Д. 865. Л. 1 об.

¹⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 40.

¹⁵ ГАОО. Ф. 437. оп 21. Д. 131. Л. 10, 33об, 42об; ЦДННОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3834. Л. 36.

¹⁶ Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург: Издательский дом ПАКРУС, 2005. С. 163.

¹⁷ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 10 об.

¹⁸ Там же. Л. 93.

¹⁹ Там же. Д. 830. Л. 60.

²⁰ Там же. Д. 813. Л. 10.

²¹ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 146.

²² Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 895. Л. 131.

²³ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 147.

²⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 39.

²⁵ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 4. Л. 338.

²⁶ Надь Ф. Помнит земля сибирская... // Комсомолец Калмыкии. 1989. 13 августа. С. 8.

- ²⁷ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 11.
²⁸ Там же. Д. 796. Л. 96
²⁹ Там же. Д. 865. Л. 3об.
³⁰ Спецпереселенцы // Югра. 2003. № 4. С. 44.
³¹ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 1.
³² Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 148.
³³ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 41.
³⁴ Там же. Л. 40.
³⁵ Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны... С. 161–162.
³⁶ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 7–7 об.
³⁷ Там же л. 6.
³⁸ ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1 д. 878. Л. 3.
³⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 147.
⁴⁰ Там же. Д. 5. Л. 337; ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 878. Л. 2 об; ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 1.
⁴¹ ГАОПОТО. Ф. п-107. Оп. 1. Д. 878 л. 2 об.
⁴² Гилевич А. В. Воспоминания бывшего спецпереселенца: от Бесарабии до Тобольска // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 4. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. С. 456.
⁴³ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 80.
⁴⁴ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 60 л. 83.
⁴⁵ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 895. Л. 131.
⁴⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 4. Д. 231. Л. 40.
⁴⁷ Постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев // 40–50 годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 125–126.
⁴⁸ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 4.
⁴⁹ Там же. Л. 10 об.
⁵⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 58. Л. 63 об.
⁵¹ Там же. Оп. 4. Д. 60. Л. 82.

Р. Е. Романов

**Производственная социализация рабочей молодежи
оборонной промышленности в Западной Сибири
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)**

Изучение производственной социализации молодого поколения рабочих оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны является одной из актуальных и новых проблем. В последние полтора десятилетия историки получили доступ к архивным фондам, где хранятся документы о возникновении и деятельности военных заводов. В научный оборот были введены новые источники, отражающие сведения о комплектовании кадров, численности, составе, про-

изводственном обучении, труде и быте молодых рабочих промышленности. После отказа от классового подхода в отечественной социальной истории, рабочая молодежь рассматривается в качестве отдельного объекта изучения. Под влиянием этих двух тенденций – расширения источниковой базы и изменения теоретико-методологических подходов – в поле зрения исследователей оказались новые проблемы ее формирования и развития, в том числе и подростково-юношеская социализация в сфере оборонного производства в годы Великой Отечественной войны.

Объектом изучения в данной статье является рабочая молодежь оборонной промышленности, предметом – ее производственная социализация. Понятие «производственная социализация» определяется как процесс формирования профессионального опыта молодых рабочих в ходе воспроизводства и преобразования ими технологии машинного производства, обусловленного влиянием различных социокультурных факторов.

Начальным этапом социализации молодежи в сфере военно-промышленного производства являлась ее интеграция в трудовые коллективы оборонных предприятий. В данном случае социализирующие влияние на подростков и молодых людей, прежде всего, оказывали формы комплектования молодежных рабочих кадров – вольный найм, трудовая мобилизация на заводы и в учебные заведения гострудрезервов (оргнабор). Добровольное поступление юношей и девушек на предприятия обуславливалось чувством личного долга перед Отечеством, семьей, родственниками, отдавшими свои жизни в борьбе с врагом, стремлением заменить у станка ушедших на фронт отцов и братьев. Оргнабор неработающего населения, в частности, мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, женщин – от 16 до 45 лет, требовал от подростков и молодых людей принятия социальной ответственности, часто не связанной с их личными мотивами. В отдельных случаях это обстоятельство вызывало негативную реакцию молодежи. В городах во время кампаний по трудовой мобилизации учащиеся в массовом порядке прекращали посещать школы. Родители, получив повестки о призыве, не отпускали своих детей на пункты сбора мобилизованных, не давали им документы и т.д.¹

После поступления молодежи на предприятия и в учебные заведения гострудрезервов начиналось ее производственное обучение. Прибывавшие на заводы подростки и молодые люди в течение первых двух недель проверялись на пригодность к выбранной им профессии. Затем ученики по отдельности или группами прикреплялись к высококвалифицированным рабочим или мастерам. В качестве организационных форм профессиональной подготовки использовались индивидуально-бригадное обучение, стахановские школы, курсы техминимума. В апреле 1942 г. в Новосибирске на заводе № 350 индивидуально-бригадным ме-